

10 57
10

ИСТОРИК МАРКСИСТ

3

2824
Веб-публикация: Vive Liberta, 2013
<http://istmat.info/vive-liberta>

1939

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ярославский Ем.</i> —Классики марксизма о Французской буржуазной революции XVIII века	3
--	---

СТАТЬИ

<i>Волгин В., академик</i> — Политический радикализм накануне Французской революции	13
<i>Ромэн Роллан</i> — Неизбежность революции 1789 года	37
<i>Козлов Ф.</i> —К вопросу о якобинской диктатуре	46
<i>Зильберфарб И.</i> — Фашистские фальсификаторы истории Французской революции	72
<i>Авербух Р.</i> — Политика европейских держав в 1787—1791 годах. <i>Старосельская О.</i> — К истории науки в эпоху Французской буржуазной революции 1789—1794 годов (Развитие физико-математических и естественных наук)	93 109

ДОКУМЕНТЫ

Неизданные документы времен якобинской диктатуры	136
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

<i>Удальцов А.</i> —К публикации первой тетради «Хронологических выписок» К. Маркса (Архив Маркса и Энгельса. Т. V. 1938г.).	142
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР	
<i>Шекун О.</i> — Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде 1890—1920 гг.	147
История нового времени	
<i>Утевский М.</i> —Ольшевский А. Марат. <i>Зубок Л.</i> —Paine Thomas. Selections from his Writings. <i>Радциг Н.</i> —Vallée. Au service de la C-ie des Indes. Lettres inédites d'une famille du Poitou au XVIII s. <i>Дитякин В.</i> —Лурье А. Гарibaldi. Жур.-газ. объединение. 1938. Лурье А. Гарibaldi. Воениздат. 1939. <i>Милицина Т.</i> —Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France. L'avènement de la Troisième République. La Constitution de 1875. <i>Радциг Н.</i> —Saloni. La France au Maroc. <i>Ган Л.</i> —Ромэн Роллан. Театр революции. «Робеспьер»	149
Библиографические заметки	167

<i>Радциг Н.</i> — Французская Индия в эпоху революции 1789 года . . .	173
<i>Шангин М.</i> — Византийский писатель Арефа — автор «Слова о мире с болгарями 927 года»	177

ЛЕТОПИСЬ

Триумфальное шествие Советской власти. 7 ноября (25 октября)– 31 декабря 1917 года	178
Буржуазная революция во Франции (Календарь событий 1789 г.) .	200

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26—27 марта 1939 г.— «Историческая наука в свете «Краткого курса истории ВКП(б)» (дискуссия по докладу чл.-кор. АН Шестакова 25 февраля 1939 г.).—Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26—27 мая 1939 г.— Семи- томное издание истории СССР.— К 150-летию Французской буржуазной революции XVIII века.— В секретариате редакции «История гражданской войны».— В Московском институте ис- тории философии и литературы (ИФЛИ) (Подготовка к 150- летию Французской революции).— Научная конференция Сара- товского университета 20—25 февраля 1939 г. — В Институте истории Академии наук СССР. (Защита диссертаций.) . . .	210
--	-----

Историческая наука за рубежом

Франция. Доклад тов. М. Тореза о Робеспьере.— США, Бельгия, Англия, Венгрия	220
--	-----

К ВОПРОСУ О ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Ф. Козлов

Ни одно из событий нового времени до Октябрьской социалистической революции в России не привлекало такого внимания историков, публицистов, правоведов и социологов, как Французская буржуазная революция XVIII века. Сотни специальных работ, тысячи журнальных статей, фолианты документов, обильная мемуарная литература, огромное количество памфлетов и брошюр, оживленная литературная полемика, теоретические исследования и социологические обобщения посвящены этому историческому событию. И в то же время ни об одном из исторических событий довоенного периода новой истории не высказано столько противоречивых, очень часто исключаящих друг друга утверждений и суждений, как о Французской буржуазной революции. Вплоть до нынешнего дня идет литературная полемика, то явная, то скрытая, отнюдь не по второстепенным деталям и частностям: дискуссии подвергаются основные, принципиальные вопросы и проблемы, казалось бы, давно разрешенные. Особенную страстность и непримиримость, если даже внешне сохраняется покров геллертерски-спокойного обсуждения вопросов, приобретает эта полемика, когда она касается проблемы якобинской диктатуры. В таких случаях обычное олимпийское спокойствие очень часто покидает буржуазных ученых, зачастую его место занимает плохо скрываемое раздражение, выражающееся в личных упреках и нападках по адресу противника. Так было в полемике А. Олара против И. Тэна, в полемике Матьеза против Олара и т. п. И это — не случайное явление. Не случайно, что буржуазные исследователи далеки от единства взглядов и суждений по основным вопросам Французской революции вообще и особенно далеки от единства по основным проблемам якобинской диктатуры.

Помимо личных политических симпатий и взглядов, влияющих на позицию буржуазных исследователей, здесь сказывается действие общего закона, которому подчинено развитие буржуазной исторической науки. Поскольку эта наука «рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»¹.

Особый интерес для нас представляет та группа исследователей, которая относится к так называемой «демократической школе», зародившейся еще в период реставрации во Франции и выдвинувшей ряд крупных историков — от демократа-республиканца и антиклерикала Ж. Мишле до радикала А. Матьеза. Уже самое подразделение этих историков на «демократов», «дантонистов» и «робеспьеристов» свидетельствует о наличии серьезных разногласий внутри этой «единой» группы в трактовке коренного вопроса Французской революции — о якобинской диктатуре. Трактовка якобинской диктатуры одними — сквозь призму «демократизма вообще», другими — через политические очки дантонистской группы, третьими — в аспекте политики Робеспьера неизбежно влечет за собой окрашивание рассматриваемых событий в специфические цвета, преуве-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. XLI—XLII. Гиз 1923.

личное выпячивание одних моментов, затушевывание других, что в итоге приводит к искажению исторической перспективы.

Мы не ставим своей задачей конкретный анализ работ историков этой группы. Но на решении ими хотя бы одного из коренных вопросов истории Французской революции необходимо коротко остановиться для того, чтобы дать общее представление о том уровне, на который поставлено изучение Французской революции этим передовым, прогрессивным отрядом буржуазной науки.

I

Возьмем такой вопрос, как причины падения жирондистской партии и установления якобинской диктатуры, в постановке и решении трех виднейших представителей «демократической школы»: Мишле, Луи Блана и Матьеза. Мишле хронологически первый из них решал эту проблему. Подобно прокурору, зачитывающему обвинительный акт подсудимым, он формулирует «преступления жирондистов». Когда англо-австрийская армия, говорит он, оказалась в пятидесяти лье от Парижа, «тогда преступление Жиронды обнаружилось во всем своем объеме, преступление трехмесячной дискуссии перед лицом врага. Едва ли можно измерить глубокое ничтожество, в которое она ввергла страну. Сама она ничего не делала и ничего не позволяла делать. Она не сумела взыскать налог¹... Она не сумела продать имущество эмигрантов... Она не поддержала курса ассигнатов... Она не воспользовалась хотя бы источником принудительного займа... Вот тогда перед глазами Горы раскрылась пропасть над пропастью. При таких условиях лекарство должно было быть столь же жестоким, как и самое зло»².

Причина падения Жиронды, таким образом, ясна: эта партия привела страну на край пропасти, на деле предавая ее в руки врага. «Венгерской кавалерии,— говорит Мишле,— нужно было только три дня, чтобы сделать стойло для своих лошадей в Конвенте». Но, установив, таким образом, причину революции 31 мая — 2 июня 1793 г., Мишле, тем не менее, утверждает, что 2 июня Гора была унижена и побеждена так же, как и Жиронда. 3 июня, говорит он, «Гора вернулась (в Конвент. — Ф. К), дрожа от затаенной ярости, она снова нашла те же скамьи, на которых видела себя такой же пленницей, как и Жиронда»³. Мало того, Мишле утверждает, что в результате революции 31 мая — 2 июня страна осталась без правительства. Комитет общественного спасения и возглавлявший его Дантон «не внушали никакого доверия»; революционные комитеты не были подходящим орудием для этого, сам Конвент не был приспособлен для этой роли; безупречного Робеспьера не хотели, ибо хорошо еще помнили красную Бриссо; Марат был скопрометирован чрезмерно активной ролью в революции 31 мая — 2 июня, он был молчаливо извержен из недр Горы, «его слов больше не слушали, к чтению его статей питали отвращение»; сама Гора в целом не имела для этой роли достаточного единства. Нейтральные монтаньяры: Барер, Грегуар и другие,— а с ними и дантонисты хотя и принадлежали к якобинцам, однако противились духу якобинизма. Такие же монтаньяры, как Карно, Камбон, Линде, вообще не были друзьями якобинцев и никогда не бывали в их клубе. Создавшееся после революции 31 мая — 2 июня положение Мишле характеризует двумя словами: terra incognita. Правительство же, по мнению Мишле, появилось только в августе 1793 года⁴.

¹ Мишле имеет в виду сельскохозяйственный налог в натуре.

² Michelet J. «Histoire de la Revolution française». Т. VII, p. 8—9. Paris.

³ Ibidem, p. 3.

⁴ Ibidem, p. 237.

Концепция, данная Мишле, не только превращает революцию 31 мая — 2 июня в простой акт насилия парижан над Конвентом в целом, но и выводит важнейшие акты революции: уничтожение феодализма, конституцию 1793 г., раздел общинных земель и прочее за рамки якобинской диктатуры.

Иначе решает эти же вопросы другой представитель «демократической школы» — Луи Блан. В противоположность Мишле он полагает, что причиной гибели жирондистов были их личные увлечения собственными артистическими качествами. Увлеченные блестящей внешностью революции, напомилавшей им прекраснейшие картины античного мира, они разнуждали революцию, полагая, что достаточно сильны, чтобы руководить ею. «Эти изящные, удивительные артисты», гордившиеся своей силой в ораторских схватках, «возымели поползновение господствовать безраздельно, а когда увидели, что влиянию их оказывают противовес талантливые люди, глубины которых они даже не подозревали, они были поражены горделивым изумлением, которое вскоре перешло в озлобление»¹. Жирондисты начали тогда войну против «своих же последователей в революции». Но, начав эту войну, они не делали разницы между своими врагами и врагами революции: «Тогда как Гора, заботясь не столько о самозащите, сколько о спасении впавшей в опасность революции, рассылала по всем дорогам своих комиссаров, зажигала своим дыханием провинцию, торопила передвижение армий, делала принудительный заем, хватала кушников за горло, устанавливала максимальные цены и бросала в роялистскую Вандею легионы трепещущих патриотизмом добровольцев,— жирондисты занимали внимание общества лишь толками о своих личных опасностях, о кинжалах, которыми они, по их словам, были окружены, о числе их сторонников или мстителей и вообще поступали так, как будто позабыли обо всем: и о нищете народа, и о Вандее, и об Англии, и о лиге государей, а видели и старались донять только одного врага — Гору! Дойдя до этого, они встретились с роялистами, которые, поддерживая их, окончательно их погубили»².

Таким образом, Луи Блан считал, что причиной, вызвавшей падение жирондистов, отнюдь не были их «преступления», как утверждает Мишле. Жирондисты были людьми пылкого темперамента, увлекающимися, видевшими в революции только ее светлую сторону и не замечавшими ее теневой стороны. Увлеченные борьбой с талантливыми представителями монтаньяров, они преглядели борьбу с врагами революции. В этом не было их злого умысла, не было это и результатом их классовой политики. Поэтому, заключает Луи Блан, «революция, которую они вынудили убить их, будет навеки носить по ним траур»².

Причины установления якобинской диктатуры во Франции в 1793 г., по мнению Луи Блана, были чисто случайного характера. Меньше личных увлечений со стороны жирондистов, больше внимания с их стороны, или, по крайней мере, «разделение ими забот» между собственными врагами и врагами революции — и эта «славная партия», несмотря на свои ошибки проявившая «столько прелести и столько героизма», благополучно здравствовала бы на благо революции и французского народа.

Аргументация Луи Блана опрокинута историей. Достаточно напомнить, что еще до революции 31 мая — 2 июня жирондисты начали гражданскую войну в стране, что они саботировали работу комиссаров Конвента в провинции и армии, что они взяли на себя роль защитников имущества эмигрантов, что они собирались обнажить фронт, организованный якобинцами против внутренней контрреволюции в Вандее. Ведь это жирондист Ребекки писал своему сотоварищу по партии Барбару, что

¹ Луи Блан «История французской революции 1789 г.». Т. VIII, стр. 387. СПб. 1908.

² Там же, стр. 388 — 389.

«единственный способ спасения республики, это — движение на Париж сорокатысячной армии, сражающейся с вандейскими мятежниками»¹.

Подобно Мишле, Луи Блан несмотря на свои симпатии и сочувствие якобинцам и Робеспьеру не внес ясности в проблему возникновения якобинской диктатуры. Немногим более «посчастливилось» в этом отношении новейшему представителю «демократической школы» А. Матьезу. Правда, Матьез выгодно отличается от своих предшественников тем, что поражение жирондистов он рассматривает как поражение класса, державшего до того власть в своих руках. «Вину за свое поражение, — говорит он, — несут сами жирондисты. Они начали войну, но не смогли победить и добиться мира. Они обвинили короля и выдвинули лозунг республики, но не имели мужества низложить короля и провозгласить республику. В решающие моменты — накануне 10 августа и накануне 21 января — они колебались. Их двусмысленная политика вызывала подозрение в наличии у них тайных своекорыстных намерений, намерений захватить министерские портфели, организовать регентство, либо призвать новую династию. В условиях острого хозяйственного кризиса они не могли предложить ни одного спасительного средства и с поразительной сухостью и черствостью сопротивлялись требованиям санкюлотов, прав и силы которых они не хотели признать. Они слепо сопротивлялись всем чрезвычайным мероприятиям, диктовавшимся обстановкой, стремились затормозить их проведение в жизнь. Коротко говоря, они игнорировали заботу об общественном спасении и ограничили себя рамками классовой политики удовлетворения интересов одной лишь буржуазии»². Поэтому, полагает Матьез, революция 31 мая — 2 июня свергла не только партию, но и класс, стоявший у власти, — крупную буржуазию. Место жирондистов заняли монтаньяры; новый класс поднялся к власти, ибо, полагает Матьез, и Парижская коммуна и Гора «представляли низшие классы (ремесленников и рабочих), страдавшие от войны и ее последствий».

Однако охарактеризовав революцию 2 июня 1793 г. как революцию социальную, а не только политическую, изобразив монтаньяров как партию ремесленников и рабочих, страдавших от дороговизны, сокращения производства, неустойчивости и недостаточности заработной платы, Матьез неожиданно поражает читателя своими откровениями о действительном характере политики монтаньяров и Робеспьера. В общих чертах концепция Матьеза относительно социальной политики якобинцев изложена уже в третьем томе его работы «La Révolution française», однако законченную формулировку она получила в его капитальном труде, вышедшем в 1927 г. под названием «La vie chère et le mouvement social sous la Terreur». Из последней работы читатель узнает, что якобинцы, по сути дела, ничем не отличались от рядовых буржуазных политиков современности. Целью их политики было-де удержание за собой голосов парижских ремесленников и рабочих, средством для этого служил обман: якобинцы делали вид, будто они защищают интересы ремесленников и рабочих. В качестве доказательства этой мысли Матьез ссылается на поведение якобинцев во время февральско-мартовских событий 1793 г. в Париже, на их политические маневры в связи с подготовкой восстания 31 мая — 2 июня, на их конституционные обещания, на их поведение во время сентябрьского кризиса 1793 г. и т. п. Он утверждает, что якобинцы старались «перехитрить» парижские народные массы. Как прямое следствие этой политики хитрости и обмана Матьез рассматривает и сложную борьбу между якобинцами и «бешеными», происходившую на всем протяжении 1793 года. Последователи Матьеза, как из-

¹ «Histoire parlementaire de la Révolution française ou Journal des Assemblées nationales depuis 1789 jusqu'à 1815, par P. J.—B. Buchez et P. C. Roux». T. XXVI, p. 457.

² Mathiez A. «La Révolution française» T II, p. 221—222. Paris 1929.

вестно, пошли еще дальше. Они изображают в таком же свете всю социальную политику якобинцев, включая и их аграрную политику¹.

В подобном решении вопроса о сущности политики якобинцев прежде всего нет научной последовательности. Если Гора была представителем ремесленников и рабочих, если ее появление у власти означало господство этих групп населения, то что заставляло монтаньяров «хитрить», что заставляло их обманывать те массы, на которые они опирались? А если Матьез прав в оценке политики якобинцев, то в какой мере тогда справедливо его утверждение, что революция 1793 г. была социальной революцией? Наконец, если якобинцы маневрировали и хитрили для того, чтобы оторвать парижские народные массы от «бешеных», то не были ли эти последние действительными представителями ремесленников и рабочих, и чем в таком случае отличаются якобинцы от жирондистов?

Новейшие представители «демократической школы», воюя со своими противниками, сами того не замечая, находятся в плену буржуазно-либеральной концепции Французской революции. Отрицая самостоятельное значение политики якобинцев, представляя ее делом случая, результатом той или иной политической ситуации сегодняшнего дня, они вольно или невольно утверждают, что действительное содержание якобинизма сводится к их более умелой в сравнении с жирондистами организации национальной обороны и к применению якобинцами террора против внутренних врагов революции. Оборона страны вовне, террор внутри,— но где же тогда разница между Оларом и Матьезом?

Можно подвести итог. Взятый нами пример решения одного из вопросов представителями «демократического направления» в историографии Французской революции дает картину серьезных расхождений между ними и не менее серьезной путаницы. Кроме того ни одному из перечисленных историков не удалось разрешаемую проблему поставить на прочную научную почву. И, наконец, их решение проблемы таково, что оно вызывает у читателей ряд вопросов, сводящихся к новой, вторичной постановке той же самой проблемы. В итоге получается нечто вроде движения по замкнутому кругу. И это — не случайное явление, связанное с решением только одного этого вопроса. С такой же картиной мы сталкиваемся при попытках решения представителями этого направления любой из серьезных проблем истории Французской революции. Не нужно при этом забывать, что перечисленные историки принадлежат к наиболее передовой группе буржуазных исследователей, к группе, способной более чем какая-либо другая, расположенная вправо от нее, правильно поставить и разрешить основные вопросы этой большой темы. И, тем не менее, общий итог ее работ, несмотря на обилие детальных, иногда скрупулезных исследований отдельных фактов, несмотря на остроумные объяснения отдельных событий, не может нас удовлетворить.

«Демократическое направление» разделяет в этом отношении общую судьбу буржуазной историографии, не имеющей научно обоснованного и проверенного историческим опытом метода исследования. От общего уровня буржуазной исторической науки оно отличается не научной обоснованностью своих работ, но политической тенденцией, благодаря которой за этой группой историков и утвердилось название «демократической школы».

Правильной постановки и правильного решения проблем Французской буржуазной революции мы вправе ожидать от советских историков, в среде которых исторический материализм общепризнан как метод научного исследования. Тем не менее в работах отдельных советских историков достаточно путаницы по вопросам Французской революции вообще

¹ См., например, работу Lefebvre G. «Questions agraires au temps de la Terreur». Strasburg. 1932, в особенности разделы II и III главы 1-й.

и якобинской диктатуры в частности. О наличии этой путаницы достаточно определенно сказано в постановлении жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР¹.

Корень этой путаницы в советской историографии Французской революции двоякий. С одной стороны, путаница вызывается либо плохим знанием метода исторического материализма, либо плохим умением отдельных историков применять этот метод в своей научной работе, либо и тем и другим, вместе взятыми. С другой стороны, эта путаница объясняется тем, что вредители, немало «потрудившиеся» на историческом фронте советской науки, сознательно извращали, искажали и запутывали решение исторических проблем, насаждая социологический схематизм, широко пропагандировали социал-демократические схемы, вроде схем Купова, некоторые из них даже выдавали и рекомендовали отдельные работы буржуазных историков, например Матъеза, в качестве «ценнейшего вклада в марксистскую историю» Французской революции.

II

Буржуазная историческая наука, как правило, либо вовсе уклоняется от оценки исторической роли и значения Французской революции либо трактует ее однобоко, ограничиваясь простым противопоставлением социального и политического строя, созданного революцией, абсолютистско-феодалному порядку и уклоняясь от определения существа созданного революцией строя, как замены одной формы эксплуатации большинства меньшинством другой формой эксплуатации. Между тем совершенно понятно, что без точного научного определения исторической роли и значения Французской революции, определения ее действительного места в историческом прогрессе человечества невозможно дать правильной исторической оценки ни отдельным этапам в развитии этой революции, ни действовавшим в ходе ее классам и партиям, ни даже отдельным историческим деятелям этой революции.

Советская историческая наука, опираясь на подробную и исчерпывающую разработку товарищем Сталиным проблемы исторического материализма о разнице и противоположности между буржуазной революцией и революцией социалистической², имеет возможность дать ответ на вопрос, от точного разрешения которого уклоняются буржуазные историки.

Не может быть сомнений, что Французская буржуазная революция конца XVIII века проделала исторически полезную и прогрессивную работу. Это она положила начало «периоду победы и утверждения капита-

¹ В постановлении жюри Правительственной комиссии говорится: «Отрывки схоластических методов, заменяющих марксистское освещение исторических событий, приклеивание ярлыков различным общественно-экономическим формациям и событиям находят, например, свое выражение в неумении понять и оценить историческое значение Французской буржуазной революции, которая разделалась с абсолютизмом и феодализмом, как никакая другая буржуазная революция, и роль якобинцев как наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии. Якобинцы изображаются одними авторами учебников как представители интересов только самостоятельных мастеров и мелких лавочников, другими авторами якобинская диктатура изображается как диктатура, которая якобы ничего не могла дать народу, третьими — как власть, направленная против буржуазии».

Не дав ясной характеристики достижений Французской буржуазной революции в деле борьбы с феодализмом, авторы вместе с тем не сумели охарактеризовать ограниченности Французской буржуазной революции, которая сменила один вид классового господства и эксплуатации другим видом классового господства и эксплуатации — более прогрессивным». См. «К изучению истории» Сборник, стр. 37. Партиздат. 1937

² См. И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107—110, 152—160, 165—168 и др. 10-е изд.

лизма в передовых странах»¹. Победа и утверждение этого общественного порядка нашли свое выражение в господстве новых социальных и политических отношений и учреждений, сменивших отношения и учреждения феодализма и абсолютизма. Нет надобности перечислять все изменения в социальных и политических отношениях, происшедшие в результате революции, достаточно установить основные из них для того, чтобы точно определить характер внесенных революцией перемен.

Французская революция утвердила господство буржуазной собственности вместо уничтоженной ею собственности феодальной. Она уничтожила наследственную, несменяемую, безответственную, неограниченную и универсальную власть одного лица, т. е. абсолютную монархию, и поставила на ее место буржуазную демократию. Она заменила господство класса феодалов господством нового класса — буржуазии. Она укрепила и усовершенствовала государственную машину, полученную в наследство от абсолютизма, и приспособила ее для нужд нового класса — буржуазии². Она уничтожила в пределах страны всякую «местную, территориальную, городскую и областную независимость»³ и тем самым завершила процесс создания национального государства. Она разорвала все пестрые, сложные и запутанные феодальные связи, уничтожила сословные перегородки и самые сословия и освободила личность, поставив ее, со всеми ее физическими и моральными качествами, в самостоятельные отношения к рынку. Она разрушила старинные, средневековые формы семьи, быта, труда, разрушила все прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную спячку и тупость, препятствовавшие трудящимся взять свою судьбу в собственные руки. Она, наконец, вместо прежней формы эксплуатации, прикрытой личными, патриархальными, традиционными, религиозными, политическими и прочими покровами, поставила эксплуатацию открытую и прямую.

Строй капитализма и буржуазной демократии, установленный Французской буржуазной революцией XVIII в., знаменовал собой несомненный прогресс в историческом развитии человечества, ибо он открыл реальную возможность для борьбы пролетариата за уничтожение всякой эксплуатации человека человеком. Прогрессирующее обобществление труда, присущее капиталистическому способу производства, и вытекающее отсюда слияние отдельных производств в один общественно-производственный процесс влекут за собой прогресс и укрепление общественной связи между производителями, объединяемыми и дисциплинируемыми самим механизмом капиталистического производства. Самая неустойчивость жизненного уровня масс при капитализме, обусловленная анархией производства с ее торгово-промышленными кризисами, является причиной того, что огромные массы населения вовлекаются в водоворот общественной жизни, вынуждаются вести борьбу за изменение своей «судьбы», а это не может не быть фактором прогресса. Вытекающее из процесса обобществления труда прогрессирующее развитие противоречия между общественной формой труда и частной формой присвоения ведет к обострению классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, приближая момент крушения капитализма. Французская буржуазная революция, открыв период господства буржуазии, вместе с тем открыла и период собирания и организации сил пролетариата для борьбы против капитализма, против всякой эксплуатации, гнета и рабства. В этом огромное прогрессивное значение Французской революции, в этом заключается ее историческая роль.

Хорошо известно, что Французская буржуазная революция XVIII в. своими основными достижениями, своим длительным влиянием на обще-

¹ «К изучению истории». Сборник, стр. 26.

² См «Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 319 — 321 Партиздат. 1934.

³ Там же, стр. 321.

ственно-политическую и социальную жизнь не одной только Европы обязана якобинской диктатуре. Лишь благодаря якобинской диктатуре Французская революция уничтожила в конце XVIII в. феодальные отношения во Франции, поставив на их место в качестве господствующего капиталистический способ производства. Кратковременному господству якобинцев обязана французская буржуазия всеми своими завоеваниями в борьбе с феодализмом и абсолютизмом.

Тем не менее не кто иной, как именно французская буржуазия, в лице своих историков и публицистов, как правило, отказывалась признать историческую роль и историческое величие своих предков — якобинцев. Во всей мировой исторической литературе о Французской революции историкам Франции, бесспорно, принадлежит первое место в деле охаивания, искажения, опошления и извращения подлинной роли и значения якобинской диктатуры, якобинской партии и ее виднейших вождей. Для марксиста ясны причины подобного отношения буржуазных потомков к памяти своих предков. То, что могли бесстрашно, без оглядки назад, с открытым забралом говорить и делать отцы, оказалось не по силам и невозможным для детей. *Quod licet Jovi non licet bovi*. Отсюда стремление большинства «солидных» французских историков революции, не принадлежащих к лагерю заведомой реакции, противопоставить якобинцам в качестве подлинных выразителей «государственного разума» нации не только дантонистов, о которых еще Мишле говорил, что «обладали они или не обладали дипломом якобинцев, все они, безразлично, находились в оппозиции к духу якобинского общества»¹, но и жирондистов и даже фейянов. Ведь даже такой историк Французской революции, как А. Олар, резюмируя деятельность Учредительного собрания 1789 — 1791 гг., т. е. деятельность фейянской партии, считает эту деятельность и ее плод — конституцию 1791 г. — достойным восхищения произведением зрелого разума и здравого смысла нации. Зато якобинцы в его изображении, сохраняющем присущий Олару внешний вид объективности и беспристрастия, выглядят как недалекновидные партизаны террора, от террора и погибшие. Это общее стремление большинства французских историков революции, не исключая даже Жореса, искать «политический разум» нации в рядах людей, стоявших правее якобинцев, правее Робеспьера, неизменно сопровождается искажениями и извращениями политических граней и различий, отделявших одну от другой политические партии, боровшиеся в период Французской революции.

Между тем совершенно ясно, что историк, не определивший с научной точностью те принципиальные линии, которые разделяли боровшиеся между собой партии, в лучшем случае добросовестно возводит свои собственные фантазии на степень «научных данных», а в худшем случае оставляет за собой свободу фальсификации. Точная политическая характеристика партий, действовавших в период Французской революции, является поэтому необходимым условием как для того, чтобы положить предел фантазии историка, его «вдохновению», так и для того, чтобы дать точное научное представление о действительно борющихся силах, о действительных причинах победы одних и поражения других политических партий. Без этого нельзя ничего понять в той весьма странной на первый взгляд борьбе, которая происходила в Законодательном собрании в 1791—1792 гг., а еще меньше можно разобратся в конфликтах, происходивших в Национальном конвенте до революции 2 июня 1793 г., приведшей к падению жирондистов и установлению якобинской диктатуры.

В литературе по истории Французской революции не было недостатка в попытках дать характеристику важнейшим политическим партиям, боровшимся в Учредительном, Законодательном собраниях и На-

¹ Michelet J. «Histoire de la Révolution française». T. VII, p. 13.

циональном конвенте: фейянам, жирондистам и монтаньярам. Но большинство историков, пытавшихся сделать это, ограничивалось туманными, расплывчатыми определениями, в которые читатель мог вложить любое содержание. «Правые», «центр», «левые», «крайние левые», «умеренные», «революционеры», «анархисты» — эти и тому подобные эпитеты применяет большинство историков в качестве характеристики действовавших в революции партий. Не составляет исключения в этом отношении и Ж. Жорес. Исходя из концепции, что все три собрания в период революции были чужды классовым интересам и преследовали некие надклассовые интересы «революции вообще», Жорес считает вполне достаточным деление политических партий по признакам темперамента. Фейяны — умеренные, жирондисты — «представители революционного духа, готового усмирить всех мятежников... вызвать на бой всех сговорившихся тиранов, всех тех, кто угрожал новой свободе, а также всех тех, кто хотел ее ограничить»¹; якобинцы — крайние революционеры, пламенные патриоты и т. п. Историография Французской революции знает, конечно, и попытки классовой характеристики политических партий. Мы уже упоминали о неудачной попытке Матьеза, в изображении которого якобинцы — партия ремесленников и рабочих и в то же время партия, видевшая чуть ли не главную свою задачу в том, чтобы сопротивляться требованиям ремесленников и рабочих и уступавшая этим требованиям только под давлением жестокой необходимости. Не более плодотворна и попытка Кунова, пытавшегося определить классовый состав политических партий и групп с точностью аптекаря, взвешивающего на весах сильно действующее лекарство. Жирондисты у него — партия «деловой» буржуазии, дантонисты — представители литературной и артистической богемы, определенных кругов буржуазной интеллигенции, робеспьеристы — защитники интересов зажиточной мелкой буржуазии городов и т. п. Эта надуманная куновская «классификация политических видов», подхваченная и пропагандировавшаяся вредителями в советской исторической науке в качестве последнего слова марксизма, внесла немало путаницы в дело изучения и преподавания истории Французской революции. Некоторые «умники» пытались у нас насильно «вгонять» факты в эту мертвую куновскую схему. Ничего хорошего из этого, конечно, не получалось, получалась лишь безжизненная, антиисторическая карикатура на историю Французской революции.

Известно и бесспорно, что руководящей силой в борьбе народных масс Франции в конце XVIII в. против абсолютизма и феодализма была буржуазия. Задолго до начала революции буржуазия подготавливала ее идейно-политически. Буржуазные «просветители» XVIII в. проделали большую революционную работу, подвергнув феодализм и абсолютизм со всеми их учреждениями беспощадной критике с точки зрения «разума». Буржуазное просветительство конца XVIII в. отличается непримиримой враждой к феодально-абсолютистскому порядку, ко всем его установлениям: в хозяйственной области, в социальных отношениях и правовых нормах. Не только народные массы того времени, но и сами буржуазные «просветители» не подозревали, что их борьба против феодализма и абсолютизма исторически сводится к отстаиванию капиталистической формы эксплуатации против феодальной. Они даже в отдаленной степени не подозревали той истины, что в капиталистическом обществе, исторические права которого они, сами того не сознавая, отстаивали, — любой, самый малый прогресс покупается ценой обнищания масс. Наоборот, они искренне верили в то, что уничтожение феодализма и абсолютизма принесет с собой общее благосостояние народа, они искренне были убеждены в том, что, нападая на феодализм и абсолютизм, они отстаивают интересы всего народа в целом против небольшой кучки привилегирован-

¹ Jaurès J «Histoire socialiste». Т II, p 143

ных паразитов — дворянства и духовенства. Во имя этого благосостояния всего народа в целом они противопоставляли произволу абсолютизма требования просвещения народных масс, самоуправления народа, гарантированных законами свобод, нового правового порядка, основанного на «естественных правах человека».

На практике буржуазное «просветительство» XVIII в. дало во Франции начало двум политическим направлениям, кристаллизовавшимся в ходе революции в обособленные политические организации, политические партии. Оба эти политические направления, идейно рожденные буржуазным «просветительством», были буржуазными и по своей классовой природе. Первое из них кристаллизовалось в две политические организации: в фейянскую партию и жирондистскую партию. Между обеими этими политическими организациями существенной, принципиальной разницы не было. И та и другая — партии буржуазных либералов. Как фейяны, так и жирондисты держались политической программы буржуазного либерализма. Буржуазный либерализм в качестве стройной и законченной теории и программы политических и экономических требований окончательно сложился, как известно, лишь в 40-х годах XIX столетия, когда была, наконец, окончательно сформулирована его экономическая теория, наброски которой были даны еще А. Смитом. Политическая же программа буржуазного либерализма была сформулирована уже в ходе Французской буржуазной революции и зафиксирована в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Творцом этой декларации была, как известно, фейянская партия. Таким образом, партия, имевшая в своем составе представителей привилегированных классов, первая нанесла удар феодально-абсолютистскому режиму во Франции. «Французская монархия получила первый удар не от крестьянства, а от знати», — говорит Маркс. «Есть в истории человечества как бы некое возмездие, и, по закону этого исторического возмездия, орудие его действия должно выковываться не потерпевшим, а самим преступником»¹.

Жирондисты целиком разделяли политическую программу, сформулированную фейянами. Разницу между обеими этими политическими организациями следует искать не в области программно-политической, а в области тактики. Анализ деятельности фейянской партии как в период Учредительного, так и в период Законодательного собраний приводит к выводу, что фейяны, не скрывая своего либерализма, в этот период подчеркивали свой монархизм, отстаивали идею буржуазно-конституционной монархии. Иначе говоря, будучи либералами и монархистами, фейяны предпочитали в этот период революции выдвигать на первое место не свой либерализм, а свой монархизм. Подобное поведение фейянов объясняется наличием в их среде сильной и влиятельной группы либерального дворянства, не желавшего жертвовать монархией, а также наличием не менее сильной и влиятельной группы финансистов, откупщиков, либеральных бюрократов, стремившихся по вполне понятным причинам сохранить преемственную связь между старым и новым и рассматривавших монархию в качестве наиболее прочного соединительного звена.

Политическая позиция и линия поведения жирондистов в Законодательном собрании не дают никаких фактов враждебного отношения к монархии, к конституционно-монархическому строю и этой части либералов. Напротив, их позиция в отношении монархии, даже после начала войны с Австрией и Пруссией, когда саботаж мероприятий по национальной обороне со стороны двора и государственная измена короля становились явными даже для людей, плохо разбирающихся в политике, свидетельствует о том, что жирондисты невзирая на это охотно сохранили бы монархию. И только тогда, когда парижские народные массы, возмущенные предательской политикой двора и озабоченные действи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч Т. XI. Ч. I-я, стр. 239

тельной организацией национальной обороны, обороны революции от контрреволюционного нападения феодально-абсолютистских держав, восстали, жирондисты отступились от короля. Их поведение в Национальном конвенте во время подготовки судебного процесса и самого суда над королем также свидетельствует о их политической симпатии к монархии. Известно, что даже после установления республики во Франции фейяны находили в рядах жирондистской партии благосклонных слушателей, сочувствовавших проекту замены бурбонской династии династией орлеанской. Однако в противоположность фейянам, почти открыто враждебно встретившим революцию 10 августа 1792 г., жирондисты примирились с падением монархии, приняли республику без вражды, как факт. Для жирондистов их либеральная программа была дороже монархии. Либерально-буржуазная республика имела для них не меньшую ценность чем конституционно-буржуазная монархия. Поэтому еще в период существования монархии жирондисты в противоположность фейянам выдвигали в Законодательном собрании на первый план не свой монархизм, а свой либерализм. После падения монархии они отстаивали республику, основанную на либеральных принципах. Всякое покушение на эти принципы, всякое отступление от либерализма они встречали в штыки. Это с особенной силой обнаружилось с весны 1793 г., когда в связи с острыми продовольственными затруднениями в порядок дня был поставлен вопрос об урезке либеральных принципов, об ограничении свободы торговли, превратившейся в свободу спекуляции на голоде, об удовлетворении экономических требований масс.

Другое направление, порожденное тем же идейным источником — буржуазным «просветительством» XVIII века, — и, следовательно, по своему классовому характеру также буржуазное, оформилось в ходе революции как партия монтаньяров, или якобинцев¹. В противоположность обеим партиям буржуазных либералов это была партия буржуазных демократов, отделившихся от либералов в ходе революции в самостоятельную политическую организацию.

Буржуазные демократы в период Французской революции подобно либералам также требовали уничтожения феодализма и абсолютизма и связанных с ними социальных и политических отношений, установления политических свобод и конституционно-правового строя. В области программно-политической их отличает от либералов не столько объем требований, сколько последовательность в их осуществлении. Добиваясь уничтожения феодализма и абсолютизма, демократы добивались уничтожения всех без исключения установлений взорванного революцией порядка, т. е. в том числе и монархии, и церкви и т. п. Демократы в противовес либералам выступали как принципиальные республиканцы, как непримиримые враги католической церкви.

Второе отличие демократов-якобинцев от либералов — фейянов и жирондистов — заключается в ином нежели у либералов отношении к народным массам. Буржуазные либералы — фейяны и жирондисты — с самого начала революции представляли не массу населения, не интересы этой массы, а меньшинство населения, интересы крупной и средней буржуазии. И фейяны и жирондисты — первые в большей, вторые в несколько меньшей степени — обнаруживали одну и ту же политическую тенденцию, тенденцию недоверия к народным массам, опасения и даже страха перед массовыми движениями. Яркое выражение эта политиче-

¹ В интересах научной точности считаем необходимым оговориться. Знака равенства между монтаньярами и якобинцами поставить нельзя. Историки вроде Мишле правы, подчеркивая наличие в Конвенте и даже в Комитете общественного спасения монтаньяров некобинцев (Карно, Прер и др.) Поскольку, однако, якобинцы в среде монтаньяров составляли решающую, руководящую силу, группировавшуюся вокруг Робеспьера, смешение обоих названий, встречающееся почти во всех работах по истории Французской революции, допустимо.

ская тенденция нашла себе в поведении фейянов в ночь 4 августа 1789 г., в расстреле массового собрания на Марсовом поле в Париже, вскоре после бегства короля в Варенн, в разделении французских граждан на активных и пассивных. Не менее ярко эту же тенденцию выразили жирондисты, когда они провалили ими же организованную демонстрацию 20 июня 1792 г., когда в Национальном конвенте они стремились отгородиться от парижских народных масс департаментской стражей либо даже перенести заседания Конвента из столицы в глухой провинциальный городок. Это недоверие к массам, боязнь массовых движений порождали колебания фейянов и жирондистов между демократами и роялистами. Отсюда попытки закулисных переговоров обеих либеральных партий с двором, попытки закулисных сделок, урезки либеральной политической программы, каждая из которых представляла собой уступку не народу, а привилегированным, сохранение привилегий старых классов. Отсюда и половинчатая социальная политика либералов периода Французской революции: неполное уничтожение фейянами после ночи 4 августа феодальных отношений в деревне, прямая защита той категории феодальных повинностей, которая была связана с так называемым «держанием земли», защита привилегированного положения католической церкви в государстве, дележ власти с короной, предоставление короне весьма существенных прерогатив. Те же самые мотивы двигали и жирондистами в их яростных нападках на демократическую Парижскую коммуну после революции 10 августа, эти же мотивы выступают в закулисных переговорах Жиронды с английским правительством относительно судьбы Людовика XVI, в ее наскоках на вождей монтаньяров, в предании Марата суду революционного трибунала, в сомнительном соглашении с Дюмурие и т. п.

В отличие от обеих либеральных партий якобинцы верили в народную массу, верили в ее силу, в ее правоту, верили в правильность и целесообразность массовых движений, проще говоря, искренне готовы были действовать вместе с массами, через массы и в интересах масс. Их, следовательно, отличает от фейянов и жирондистов революционность их тактики. Они противники закулисных переговоров с двором, с привилегированными, противники закулисных сделок и соглашений, сторонники революционной плебейской расправы с феодализмом и абсолютизмом.

Но буржуазные демократы во Франции конца XVIII в. так же, как и тогдашние народные массы, основную толщу которых составляло феодальное крестьянство, питали иллюзию, будто с устранением феодализма и абсолютизма настанет действительное царство свободы, равенства и братства, будто, устранив феодально-абсолютистский порядок, народные массы освободятся от всякой эксплуатации. Это была иллюзия, порожденная условиями эпохи, но она не только не ослабляла силы и размаха борьбы якобинцев против средневековья, но, наоборот, побуждала их с величайшей решительностью и беспощадностью вырывать, выкорчевывать и выметать все старое и гнилое, что мешало, по их мнению, установлению этого царства свободы, равенства и братства, за которым на деле скрывалось весьма прозаическое буржуазное общество.

Об этой иллюзии якобинцев забывать нельзя. Тот, кто упускает ее из виду, лишает себя возможности разобраться в истории важнейшего периода Французской революции, в истории якобинской диктатуры. С особой силой подчеркивал Ленин значение и роль этой иллюзии. Он указывал, что «она является спутником и симптомом великого, массового демократического подъема крестьянских масс»¹ во время революции против феодализма. Эта иллюзия масс, которую разделяли якобинцы, означала, по выражению Ленина, «их стремления бороться,

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 164.

обещая им за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа дасг лишь сто благ». «Но разве не естественно, — говорил Ленин, — что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, оброшенности, забитости, преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?»¹.

Благодаря якобинцам с их иллюзией «золотого века» Французская революция не застряла на том этапе, когда руководящая роль принадлежала феянам и жирондистам с их колебаниями и уступками, благодаря якобинцам революция решительно и беспощадно расправилась с феодализмом и абсолютизмом и приобрела то историческое значение, которое заставляет все передовое человечество отмечать юбилей этой революции. Дело Французской революции — дело якобинцев конца XVIII в., дело французских буржуазных демократов, по-плебейски расправившихся с феодализмом и абсолютизмом. Нельзя ставить в вину тогдашней французской демократии то, что она мечтала о возвращении на землю «золотого века», мечтала об основании царства свободы, равенства и братства на основе «священной и неприкосновенной частной собственности». Эта иллюзия была вызвана историческими условиями эпохи и только подчеркивает величие тогдашней демократии, оказавшейся способной для решения этой, хотя и иллюзорной, но в существе своем возвышенной задачи — быстро, решительно, с минимальными издержками и потерями покончить со своим историческим врагом.

Уклоняясь от определения исторического значения Французской революции, характера французских политических партий конца XVIII века, их политики, тактики, буржуазные историки Французской революции несмотря на огромный фактический материал, пущенный ими в обращение, несмотря на обилие выполненных ими детальных работ по отдельным периодам и проблемам революции, несмотря на остроумные и подчас меткие разъяснения отдельных спорных вопросов, не смогли дать научной концепции революции в целом. Если многим из них еще удавалось сохранять научный объективизм в хорошем значении этого слова при изложении событий 1789—1792 гг., то, как правило, этот объективизм исчезал при изложении событий, последовавших за революцией 10 августа. Отсюда неудовлетворительность трактовки ими решающего момента Французской буржуазной революции — якобинской диктатуры. Если оставим в стороне ту группу буржуазных историков, которая во Французской революции ничего не увидела, кроме хаотического нагромождения «эксцессов», разгула буйных и грубых страстей «слепой черни», если мы оставим в стороне ту группу «историков», научная ценность работ которых непрерывно стремится к нулю, то работы остальных довольно легко можно разделить на две категории. При наличии часто очень больших расхождений между ними в трактовке отдельных вопросов, проблем и событий революции, при всей разнице в объеме и качестве использования документального материала, несмотря на разницу в симпатиях и антипатиях по отношению к тем или иным деятелям революции, к тем или иным политическим группировкам — одни из них отчетливо обнаруживают субъективизм уже в подходе к истории Национального конвента, другие, наоборот, стремятся при изложении истории последнего удержаться на объективных позициях. Отношение к истории Конвента и разделяет буржуазных исследователей Французской революции на две группы. Крайне любопытно, что в течение почти всех полутора десятилетий изучения истории Французской революции между обеими названными группами буржуазных историков борьба шла почти исключительно по вопросу о терроре. Не менее интересно, что даже Матез, который специально занимался подсчетом количества дел, рассмотренных революционным трибуналом, и должен был, казалось бы, убедиться, что

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 165—166.

мнение о якобы большом количестве осужденных на гильотину неверно, что в действительности их было в десятки раз меньше, что число их далеко уступает числу жертв версальских палачей за одну кровавую «майскую неделю» 1871 г., — тем не менее в истории Конвента решающее значение отводит террору.

III

Последние достижения французской буржуазной науки в изучении Французской революции справедливо связываются с именами Олара и Матъеза. Олар принадлежит к числу исследователей, которые несмотря на все попытки сохранить при изложении истории Конвента хотя бы внешний, показной объективизм все же сбиваются на субъективную позицию. Якобинскую диктатуру, по мнению Олара, погубил террор. За этим немудрым утверждением скрывается определенная политическая мысль: французские демократы конца XVIII в. оказались неспособными к созидательной работе; размахивая топором, они сумели обнаружить только слепую силу разрушения, которая в ходе исторического развития показала свою несостоятельность. У Олара эта мысль скрыта под ворохом рассуждений о «системе террора» и «режиме террора», о «жестокости» или «умеренности» тирании, о «добрых» и «злых» действиях революционного трибунала, у его же предшественников она выражена гораздо прямее и отчетливее. Кинэ, например, без всяких обиняков называет Робеспьера деспотом, а террор — делом его рук. Оправдывать Робеспьера, по мнению Кинэ, то же самое, что оправдывать организаторов и вдохновителей Варфоломеевской ночи. Тирания Робеспьера, по мнению Кинэ, ослабляла силы нации и привела к гибели самого Робеспьера. Доказывается эта мысль обычно приемами, которые нельзя назвать иначе, как жонглированием словами и фактами. Дела якобинцев противопоставляются их слова, при этом, как правило, вырванные из общего контекста, их же огромная положительная работа оставляется в тени; наоборот, работа их противников, «благородное возмущение» последних по поводу нарушения «тиранами» великих принципов свободы и т. п. выдвигается на передний план. При этом обходится стыдливым молчанием систематическое физическое истребление якобинцев после контрреволюционного переворота 9 термидора, скрывается тот факт, что количество демократов, подвергшихся уничтожению после 9 термидора, далеко превышает число контрреволюционеров, казненных за все время революции.

Не только Матъез, но и его предшественники из «демократической школы» понимали, что вопрос об исторической роли и значении якобинской диктатуры нельзя подменять словопрениями о терроре. Они, может быть, и не совсем ясно, но чувствовали, что каким-то образом революционный массовый «террор и прогресс демократии оказались тесно связанными между собой», как об этом мимоходом замечает Ж. Б. Лефевр¹. Они понимали, что инсинуациям, которыми в конце XVIII века осыпали демократию ее противники, нужно противопоставить положительную работу якобинской диктатуры. Отсюда серьезный уклон «школы Матъеза» в изучение социальной истории революции, составляющий безусловную заслугу этой «школы». Но преодолеть навязываемую им их противниками точку зрения на якобинцев представители «школы Матъеза» не смогли. Так, Матъез, например, потратил немало усилий, чтобы доказать порочный в самой своей основе тезис, будто якобинцы проводили чуждую им социальную политику, навязанную будто бы им извне. Став на эту позицию, Матъез тем самым возвращал спорную проблему да и собственную аргументацию в плоскость, подсказанную ему противниками.

¹ Lefebvre G. «Questions agraves au temps de la Terreur», p. 48.

В результате Матьез в своих работах не так уж далеко ушел от концепции Луи Блана, который, как известно, стремился представить Робеспьера безобидной овечкой и доказывал, что террористы вроде Колло д'Эрбуа, Билло Варенна и других погубили противников террора: Робеспьера и его сторонников. Гора родила мышь — концепция Олара просто-напросто оказалась вывернутой наизнанку. В итоге беспомощность «школы Матьеза» в объяснении борьбы якобинцев с теми, кого она называет «бешеными» и кого Луи Блан называл «анархистами», а также беспомощность и в объяснении борьбы Робеспьера с эбертистами и дантонистами.

При изучении истории якобинской диктатуры из поля зрения буржуазных исследователей странным образом выпадает очень важный вопрос, неизбежно встающий при изучении каждого серьезного движения масс в течение всего периода начиная с весны 1793 г. и кончая 9 термидора 1794 года. Упускается, как правило, из виду то обстоятельство, что жирондисты своей политикой и своей деятельностью скомпрометировали в глазах масс не только себя как правящую политическую партию, но и Национальный конвент — как средоточие государственной власти, поскольку большинство Национального конвента санкционировало политику жирондистов. Как моральный, так и политический авторитет Конвента особенно сильно был подорван в народных массах голосованием 14 января 1793 г. судебного приговора над королем. Известно, что в Конвенте смертный приговор Людовику XVI был вынесен большинством всего лишь одного голоса. 361 депутат голосовал за смертную казнь, 360 — против (включая в это число 26 голосов, поданных за смертную казнь, но с отсрочкой ее исполнения на неопределенный срок). Провокационный декрет, принятый Конвентом по предложению жирондиста Гадэ 20 января 1793 г., накануне дня казни короля, — о предании суду «виновников сентябрьских убийств» был для всех сомневающихся наглядным разъяснением того, что голосование 14 января не было случайным. Падение авторитета Конвента отчетливо обнаружилось уже в конце февраля и в начале марта 1793 г., когда в связи с продовольственными затруднениями началось движение масс. В процессе именно этого движения весной 1793 г. обнаружилось разногласие, разделившие якобинцев и «бешеных». Когда народные массы Парижа в феврале — марте 1793 г. спрашивали, почему нет хлеба, мыла, свечей, сахара, их взоры невольно с подозрением обращались туда, где заседал Национальный конвент. Там сидели люди, которые чуть ли не с первого дня своей государственной деятельности угрожали Парижу, травили Коммуну и секции, поставили якобинцев в положение обвиняемых, угрожали населению столицы организацией «департаментской» стражи, апеллировали к департаментам против парижских «мятежников», покрывали изменников-эмигрантов, отказывались карать генералов-изменников, пытались спасти короля; и это были те самые люди, слухи о кутежах, сытом и беспечальном житье-бытье которых наполняли изголодавшуюся столицу. Активные деятели некоторых парижских секций, отдельные члены Коммуны, по долгу службы стучавшиеся в двери Конвента, обращавшие внимание этого собрания на растущий голод в столице и натывавшиеся на глухую стену равнодушия со стороны жирондистов и большинства Конвента, оформили недоверчивую подозрительность масс, выразили ее в определенном и ясном политическом лозунге: «Разгон Национального конвента». Людей, сформулировавших этот лозунг, называли «бешеными».

«Бешеные» не были какой-то особой политической партией, отличной от якобинцев. Попытка Матьеза отделить «бешеных» от якобинцев, его утверждение, что вопрос о таксации продовольствия якобы являлся непроходимой политической гранью между теми и другими, как увидим ниже, не имеет под собой почвы. Попытка Луи Блана, а за ним и его антипода Кропоткина, противопоставить «бешеных» якобинцам как

«анархистов» «государственникам» также ни на чем не основана и противоречит давно установленным фактам. Хорошо известно, что большинство тех, кого принято называть вождями «бешеных»: Жак Ру, Варле и другие,— были членами Якобинского клуба, т. е. якобинцами. Не менее хорошо известно, что эти «анархисты» вроде Жака Ру считали себя учениками и последователями таких «диктаторов», как Робеспьер и Марат. Известно, что это подчеркивание вождями «бешеных» своего якобинства не было лицемерием. В марте 1793 г. Жак Ру, например, отстаивая политическую линию якобинцев, требовал даже ареста своего «единомышленника» Варле за отступление от этой линии.

Принципиально-политической разницы между якобинцами и «бешеными» не было. Разница между теми и другими якобинцами сказывалась лишь в области тактики, в вопросе об отношении к Конвенту. Многочисленные документы свидетельствуют, что лозунг «Разгон Конвента» родился во время продовольственных волнений в Париже в конце февраля 1793 года. Конвент знал об этом лозунге, и жирондисты, по своему обыкновению, полагали, что от зарождавшейся угрозы можно избавиться арестами «смутьянов». Этими настроениями и вызван был декрет Конвента от 12 марта 1793 г. об аресте Фурнье — американца¹, — предписание Конвента полицейским властям о поисках «подстрекателей», вроде Лозовского и других. Отсюда и грозный декрет Конвента от 1 апреля 1793 г. против лиц, угрожающих «уничтожением и узурпацией власти Национального конвента»². Вопрос о роспуске Конвента в апреле 1793 г. уже поднимается и обсуждается на официальных заседаниях секций³. Пресса также считает нужным указывать на существование этого лозунга. В газетах, сообщавших о продовольственных волнениях, можно было прочесть, что в толпе раздаются обвинения Конвента во вздорожании съестных припасов и что некоторые связывают мысль о разгоне Конвента с надеждой на лучшие времена.

Указания прессы на неопределенность настроений весьма характерны. «Бешеные», сформулировавшие мысль о разгоне Конвента, не в состоянии были дать ответ на вопрос: «Что же дальше?» Их планы были весьма неопределенны. Конвент в своем большинстве не внушал им доверия, но чем его заменить, они не знали. Им казалось, что без Конвента дело может обернуться в лучшую для масс сторону, но как это произойдет, было неясно и неопределенно.

Признанные вожди якобинцев: Робеспьер, Дантон, Марат — решительно выступили против разгона Конвента. В этом, а не в экономических требованиях «бешеных» — корень разногласий с ними якобинцев. Матьез явно насилует факты, когда изображает дело так, будто Марат просто ловко маневрировал, выступив 25 февраля со статьей о продовольственных волнениях. Маневр Марата, по мнению Матьеза, заключался в том, чтобы внесенным им демагогическим предложением самосуда над спекулянтами провалить требование таксации, выдвинутое «бешеными». Лишь при наличии изрядной доли фантазии можно истолковать статью Марата как политический маневр. Марат в своей статье⁴ с гневом и горечью говорит о том, что народ доведен до отчаяния, что тысячи людей обречены на голодную смерть, а между тем народные представители занимаются пустой болтовней. Он полагает, что виселица для спекулянтов законна в стране, где права народа не являются пустым звуком. Он требует суда над скупщиками как над изменниками родине.

¹ См. Archives parlementaires de 1789 à 1860. T. LX, p. 132.

² Ibidem T. LXI, p. 97.

³ См. об этом Tueteu «Répertoire général des sources manuscrites», etc. T. VIII, p. 368 et autres.

⁴ Кстати, Матьез почему-то полагает, что статья эта была напечатана в «Publicité», тогда как она была напечатана 25 февраля 1793 г в «Journal de la République française».

В ответ на нападки, вызванные этой статьей, Марат напечатал в той же газете 1 марта 1793 г. обращение к монтаньярам, в котором в самых мрачных красках изобразил положение в стране. Нищета народа, расхищение национального достояния, истощение народных резервов, преследования пагриотов, наглость врагов народа, агенты изменников в государственном аппарате, разгул и спекуляции, воровство — такова, по его мнению, картина внутреннего положения Франции. «Какие преимущества, — с горечью спрашивает он, — получили мы от перемены правления — пустой титул республиканцев да печальную привилегию жаловаться, не рассчитывая на достижение справедливости». В качестве меры борьбы со спекуляцией и дороговизной Марат предложил изъятие из обращения ассигнатов. Этим, по его мнению, удалось бы избежать скупки звонкой монеты, спекуляции ею, а следовательно, и роста цен на съестные припасы, не говоря уже об облегчении налогового бремени населения. Матьез прав, когда говорит, что Марат в этих статьях не предлагал таксации. Но таксация вопреки утверждениям Матьеза не была в это время и специфическим требованием «бешеных», *sine qua non* их экономической программы. 9 марта, спустя восемь дней после обращения Марата к монтаньярам, секция Гравильеров, которую сам Матьез называет «секцией Жака Ру», требовала у решетки Национального конвента запрещения приравнивать деньги к товару и, следовательно, запрещения сделок со звонкой монетой, т. е. «секция Жака Ру» повторила требование Марата, ни словом не обмолвившись о таксации.

И якобинцы и «бешеные» ранней весной 1793 г. в одинаковой мере требовали борьбы со спекуляцией, облегчения материального положения масс. Как те, так и другие, говоря о средствах достижения этой цели, подчеркивали необходимость одного — действительности этих средств. Разногласия между ними вызывались вовсе не разногласиями в определенных пунктах экономической программы, а отношением к Конвенту. Для так называемых «бешеных» характерно отсутствие уверенности в том, что через Конвент удастся провести систему мероприятий, облегчающих положение масс, — отсюда их тенденция к разгону Конвента. Якобинцы же, наоборот, настаивали на необходимости проведения этих мероприятий через Конвент и категорически отклоняли лозунг «Разгон Конвента». Они рассматривали разгон Конвента как «прыжок в неизвестное», как сигнал к гражданской войне в стране, только этим и вызваны были в этот период нападки их на некоторых «бешеных». Этим обстоятельством объясняется решительное осуждение якобинцами попытки восстания, предпринятого 9—10 марта 1793 года Варле и его друзьями, попытки, вызвавшей, как это уже отмечалось, суровый отпор даже со стороны Жака Ру¹.

Полный провал попытки Варле 9—10 марта наглядно свидетельствовал о том, что руководство народными массами сохраняли за собой якобинцы. Матьез прав, когда говорит, что инициатива активного давления на Конвент после поражения на фронтах, потери Бельгии и измены Дюмурье, т. е. в момент, когда политика жирондистов полностью обанкротилась, — исходила от якобинцев. Но Матьез искажает действительную картину событий, когда он одновременно утверждает, будто якобинцам пришлось покупать поддержку «бешеных». На деле события происходили иначе. Якобинцы, давшие сигнал к организации «активного давления» на Конвент, сформулировали и основы будущей экономической политики правительства и форму политической акции, которая должна была, по их мнению, заставить Конвент отказаться от жирондистской политики. Мы не имеем возможности останавливаться на событиях, вызванных борьбой Жиронды против намеченного якобинцами плана, да это и несущественно для понимания рассматриваемой проблемы. Важно

¹ См. «Histoire parlementaire de la Révolution française». Т. XXIV, p. 93 suiv.

только отметить то, что «бешеные» приняли без оговорок как экономическую политику, намеченную якобинцами, так и политическую форму давления на Конвент.

Основные принципы экономической политики будущего якобинского правительства были сформулированы Робеспьером в его проекте «Декларации прав», принятом на собрании Якобинского клуба 21 апреля 1793 года. В этом проекте якобинцы определяли собственность как право гражданина «пользоваться и распоряжаться частью имущества, о беспеченных за ним законом» (разрядка моя.—Ф. К.). Однако право собственности не дает гражданину права злоупотреблять ею «во вред безопасности, свободе, существованию и собственности» других граждан. Из этого вытекало право государственной власти устанавливать границы собственности отдельных лиц, вести борьбу с ажиотажем, спекуляцией, скупкой, взвинчиванием цен и т. п. В других пунктах декларации провозглашалась обязанность общества заботиться о прокормлении всех граждан путем обеспечения работой трудоспособных и продовольствием нетрудоспособных. Устанавливался и принцип обязательной помощи беднякам за счет богатых. Эту декларацию, по мнению якобинцев, следовало предпослать конституции республики, разрабатывавшейся в это время Национальным конвентом.

Нет надобности разбирать, насколько провозглашенные якобинцами в декларации права граждан и обязанности общества в отношении отдельных граждан (например обеспечение работой всех трудоспособных) можно было осуществить на основе частной собственности. Нас в данном случае интересует другое: в какой мере эта провозглашенная якобинцами экономическая программа отличает их от так называемых «бешеных»? Для всякого историка ясно, что эта экономическая программа якобинцев и есть то, что обычно называют программой «бешеных». Не удивительно, что она не вызвала со стороны последних никаких возражений.

Согласились «бешеные» и с формой воздействия на Конвент, предложенной в Якобинском клубе Робеспьером. Робеспьер назвал ее «моральным восстанием». Предполагалось организовать грозную демонстрацию, но без посягательства на неприкосновенность Конвента, с целью принудить последний отказаться от жирондистской политики и положить в основу своей деятельности политику якобинцев.

IV

Результаты «морального восстания», происшедшего 31 мая, обнаружались уже на следующий день, 1 июня. Баланс «восстания» оказался почти равным нулю, тактика «морального воздействия» себя не оправдала. Боязнь идти вперед погубила бы теперь не только якобинцев, но и все дело революции. Жирондисты начали уже гражданскую войну в провинции, они вступили в переговоры с вандейцами, готовили сговор с англичанами. Конвент можно было только силой принудить к изменению политики. 2 июня Марат ударил в набат. «Материальная» сила заступила место «моральной». Якобинцы, руководившие народным восстанием, свергли власть жирондистов. Власть перешла в руки победителей.

Историки вроде Мишле, отрицающие переход власти к якобинцам непосредственно после 2 июня,—исключение. Подавляющее большинство не оспаривает этого очевидного и бесспорного факта. 2 июня установилась власть якобинцев, опиравшихся на непосредственную поддержку городских народных масс: мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих—этих активных участников восстания 31 мая—2 июня—и на поддержку широчайших масс крестьянства, завоеваниям которого жирондистская политика создавала непосредственную угрозу. Новая власть была

властью демократической партии и осуществлялась ею в интересах угнетавшихся феодализмом и абсолютизмом народных масс

Необходимо отметить своеобразие условий, в которых якобинцам пришлось управлять страной, что в значительной степени определило как политику якобинцев, так и характер борьбы, развернувшейся в демократическом лагере в 1793—1794 годах.

Господствовавшая в стране после революции 2 июня якобинская партия не имела большинства в Национальном конвенте. Конвент больше чем на две трети состоял из уцелевших сторонников жирондистской партии, т. е. политических врагов якобинцев, и людей «болота», т. е. депутатов, также в течение долгого времени поддерживавших политику жирондистов, а после революции 2 июня втайне сохранивших политические симпатии к поверженной партии. Таким образом, сила якобинцев была не в Конвенте, а вне его. Между тем Конвент и после 2 июня оставался единственным легальным источником и средоточием государственной власти в стране. Это обстоятельство неизбежно должно было создать серьезные затруднения для осуществления демократической программы якобинцев. Демократическая партия вынуждена была осуществлять свои идеалы через Конвент, состоявший в основном из либералов и людей правее либералов; ситуация — в самом зародыше чреватая противоречиями, конфликтами, интригами и более или менее открытыми столкновениями Якобинского клуба и поддерживавших его народных обществ с большинством Национального конвента.

Вторая особенность условий, в которых пришлось действовать якобинцам, состояла в том, что основой якобинской партии являлось крестьянство, а передовой, организующей и активной силой были городские элементы, главным образом ремесленники и рабочие, благодаря чему при попытке осуществить царство свободы, равенства и братства на основе «священной и неприкосновенной» частной собственности якобинцы неизбежно должны были столкнуться с непреодолимыми затруднениями. Эта внутренняя противоречивость между целями и средствами буржуазных демократов отмечалась всеми классиками марксизма и особенно товарищем Сталиным, который настойчиво подчеркивает, что буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми¹. Из этой особенности буржуазной революции и специфических условий деятельности якобинской партии вытекала неизбежность для нее внутривнутрипартийной борьбы, неизбежность дробления ее на более или менее обособленные фракции и политические группы, и, следовательно, эта партия не в состоянии была осуществить политическое и моральное единство демократических масс.

Первые политические мероприятия якобинской диктатуры хорошо известны. Были уничтожены все без остатка феодальные повинности, отменен был выкуп повинностей; был издан приказ сжечь рукой палача феодальные документы; был произведен раздел между крестьянами 8 миллионов га общинных земель; отменена была продажа земель из фонда национальных имуществ за наличные деньги, и восстановлена была продажа их в рассрочку с ежегодной амортизацией долга; часть земель была выделена для неимущих, эти земли не поступали на торги, а раздавались неимущим под условием оплаты ренты и амортизации капитала в десять равных сроков; неимущим выдавались 500-лировые бонны для приобретения земель; разработан был гражданский кодекс, упорядочен государственный долг; проведен ряд мероприятий для организации народного образования и для подъема культурного уровня населения и

¹ И Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107

т. п. Но центральное место среди всех этих мероприятий занимало принятие Конвентом новой конституции, так называемой конституции 1793 года.

В связи с обсуждением в Конвенте конституции 1793 г. и возник первый политический кризис якобинской диктатуры. Нужно вспомнить обстановку, в которой возник этот кризис. Гражданская война была уже в полном разгаре, из 83 департаментов 63 находились в состоянии более или менее открытого восстания против Конвента и Парижа, вандейцы двигались к сердцу Франции, враждебные якобинцам силы вступили в открытую связь с эмигрантами и внешним врагом. Большинство Конвента учло обстановку, оно поняло, что якобинцы при создавшихся условиях не осмелятся еще раз силой навязать Конвенту свою волю; ведь восстания в департаментах и поднимались под лозунгом освобождения большинства Конвента от «тиранической» шайки «убийц» и «бандитов». Якобинцы оказались в своего рода плену у большинства Конвента. Последнее, используя благоприятную для него ситуацию, при вотировании новой конституции отвергло все пункты, сформулированные Робеспьером и принятые на заседании Якобинского клуба 21 апреля 1793 г., отражавшие экономическую политику якобинцев. Это было поражением якобинцев, поражением, неизбежно воскресившим в секциях в отношении Национального конвента настроения, имевшие место накануне 31 мая — 2 июня. Люди, утверждавшие, что от Национального конвента в данном его составе ничего хорошего ожидать нельзя, выдвигавшие лозунг разгона Конвента, приобрели новый мощный аргумент: Конвент, защищая либеральный принцип свободы торговли, заставляет народ, по меткому выражению Жака Ру, оплачивать весом золота те платки, которыми народ утирает свои слезы.

Наиболее искаженную картину возникшего политического кризиса дал Матьез. В своей работе «*La vie chère...*» он приводит речь Жака Ру в Национальном конвенте 25 июня, содержащую обоснование петиции кордельеров. Матьез утверждает, что речь эта была направлена не столько против большинства Конвента, сколько против Горы. Матьез и в данном случае остается верным тезису об обмане масс якобинцами. В действительности речь Жака Ру, содержавшая резкую критику уже принятой конституции 1793 г., имела одну простую цель — помочь Горе оправиться от поражения, нанесенного ей большинством Конвента, принудить это большинство превратить в конституционные параграфы проект «Декларации прав» якобинцев от 21 апреля 1793 года. Самый тщательный анализ речи Жака Ру¹ не в состоянии открыть в ней требований больших чем те, которые были изложены Робеспьером в его проекте. Центр тяжести этой речи в разъяснении тезиса Робеспьера о необходимости запрещения отдельным лицам злоупотреблять своей собственностью во вред свободе и существованию других граждан. Жак Ру не выдвинул ни одного нового практического предложения, отличающегося от предложений якобинцев, сделанных ими еще до революции 31 мая — 2 июня. Борьба с ажиотажем, преследование скупщиков, ограничение спекуляции, запрещение торговли звонкой монетой — вот его весьма скромная программа. Она была провозглашена Маратом еще в начале марта 1793 года.

Требования Жака Ру и «бешеных», предъявленные Конвенту 25 июня 1793 г., отличались от требований якобинцев не содержанием, а формой. Жак Ру произнес гневную речь. Он поставил Конвенту на вид, что в стенах последнего чаще раздавались речи в защиту себялюбцев и мошенников чем в защиту народа, что в его стенах нашли убежище банкиры, судовладельцы и монополисты, что Конвент разрушает рес-

¹ См. текст этой речи в «*Annales révolutionnaires*». Т. VII. p. 547 suiv. 1914

публику, фактически поощряя ажиотаж и скупку; хотя все эти выпады Жака Ру косвенно задевали и монтаньяров, не сумевших отстоять свои конституционные принципы, все же в основном речь Жака Ру была вoдой на их мельницу.

Жак Ру, подобно всем якобинцам, в принципе не возражал против свободы торговли, он настаивал только на том, на чем 21 апреля настаивал и Робеспьер, что свобода торговли не есть право морить голодом себе подобных. Тем не менее в резких формулировках Жака Ру увидели не экономическую программу якобинцев, а замаскированный призыв к разгону Национального конвента. Большинство Конвента использовало все, чтобы изобразить дело именно в таком виде. Оно представило нападение на конституцию как нападение на Конвент в целом, чтобы поставить монтаньяров в двусмысленное положение. Последние на словах осудили Жака Ру, но не позволили большинству Конвента декретировать его арест. Мало того: комитету земледелия было предложено в срочном порядке подготовить вопрос о таксации.

Последнее решение Конвента можно было бы рассматривать как реванш якобинцев за поражение в конституционном вопросе, если бы большинство Конвента склонно было следовать постановлениям, принятым 25 июня. На деле якобинцы, лишённые большинством Конвента возможности ограничивать «злоупотребления» правом собственности на основе конституции, могли огненные добиваться этого только в порядке временных и чрезвычайных мероприятий. Конвент оставил им лишь возможность просить по частям и на время то, что они считали «неотъемлемым правом» граждан. Такой неожиданный для якобинцев итог революции 2 июня неизбежно должен был привести к политической размежке в их рядах.

Линия, по которой произошло размежевание в рядах якобинцев, была predeterminedена всем ходом предыдущих событий. Робеспьер и подавляющая масса якобинцев считали, что политический эффект конституции 1793 г., выразившийся в расколе во враждебном лагере в восставших департаментах и в начавшемся разложении в этом лагере, окупаеет все недостатки конституции. Отсюда они делали вывод: защита конституции и ее творца — Национального конвента — от насильственных посягательств извне. Большинство якобинцев, Жак Ру и другие, т. е. группа работников парижских секций и меньшинство Парижской коммуны, известное под именем «бешеных», считали, что конституция не закрепила того, во имя чего шла борьба в революцию 31 мая — 2 июня, т. е. не обеспечила права трудящихся на хлеб и свободу. Отсюда вывод: ни самая конституция, ни Национальный конвент не оправдывают права на существование. Линия размежевания, как это сразу бросается в глаза, проходит между имущими с одной стороны, неимущими и малоимущими элементами французской демократии — с другой стороны.

Начавшееся в рядах французской демократии размежевание привело ко второму кризису в начале сентября 1793 года. Матьез снова допускает ошибку, когда пытается изобразить демонстрацию 5 сентября в Париже как явление, вызванное случайной причиной — захватом Тулона англичанами. Демонстрация 5 сентября 1793 г. — логический результат размежевания, начавшегося в связи с принятием конституции 1793 года. Меньшинство Парижской коммуны и деятели парижских секций, т. е. «бешеные», начали пропагандировать свою политическую линию в среде парижского населения. В связи с этим в июле — августе 1793 г. в парижских секциях и Парижской коммуне развернулась острая политическая борьба, в основе которой лежало отношение к Конвенту и конституции 1793 г., причем решающим фронтом этой борьбы был не Конвент и даже не Якобинский клуб, а Парижская коммуна. Матьез прав, когда утверждает, что победа якобинцев над «бешеными» была одер-

жана благодаря энергичной кампании, которую вел Эбер в Коммуне и в своей газете «Père Duchesne». Эта кампания действительно сыграла большую роль в подготовке поражения Жака Ру, Леклерка и других. Но смысл этой кампании новейшими французскими историками революции истолковывается неправильно. Жорес, а за ним и Матьез считают, что в июле — августе 1793 г. произошла эволюция Эбера от якобинизма в сторону «бешеных». Они высказывают предположение, что в этой эволюции сыграли роль два мотива: непомерное честолюбие Эбера, стремившегося оттеснить признанных вождей якобинцев, и боязнь Эбера растерять подписчиков на свою газету, так как массы в это время обнаруживали стремление черпать политическую информацию главным образом из газет «бешеных». Бросается в глаза внутренняя противоречивость этого объяснения. Если Эбер эволюционировал в сторону «бешеных» и фактически перешел на их позиции, то как он мог оказаться виновником их падения? Если же у Эбера была та же политическая линия, что и у «бешеных», то разве смог бы он в условиях непрерывно возрастающей активности масс добиться победы при помощи одних только интриг? Таким образом, решение, предложенное Жоресом и Матьезом, ничего не решает. В действительности то, что Жорес и Матьез называют эволюцией Эбера, было лишь его колебаниями. Вожди якобинцев искали выхода из положения, создавшегося после принятия конституции 1793 года. Они были против опорожнения конституции, на чем настаивали «бешеные», потому что это уничтожило бы произведенный ею политический эффект в стране. Но они были за удовлетворение экономических требований городской демократии, так как видели, что с ростом нищеты народа растет и угроза для революции. Вот в этих условиях в июле 1793 г. Эбер и выдвинул лозунг, осуществление которого, как ему казалось, позволяло безопасно провести корабль революции между Сциллой законности и Харибдой быстро поднимавшейся волны массового движения. Эбер настаивал на выборах нового Законодательного собрания на основе принятой Конвентом конституции 1793 г., что казалось ему своевременным по двум мотивам: выборы предполагали, что конституция 1793 г. безусловно и непререкаемо санкционирована, что оспаривалось «бешеными»; в то же время выборы не представляли собою посягательства на Национальный конвент, так как с принятием конституции 1793 г. учредительные права и функции последнего были исчерпаны. Но Эбер упустил из виду то обстоятельство, что в условиях оккупации части Франции иностранными войсками и в условиях гражданской войны на значительной части ее территории выборы превратились бы в пустую игру в парламентаризм, причем в игру, опасную в первую очередь для ее инициаторов.

Поэтому, когда в начале августа Робеспьер повел в Якобинском клубе атаку против сторонников разгона Конвента, начал борьбу против охавания конституции 1793 г. и настаивал на энергичных революционных мероприятиях для борьбы с экономическим кризисом и борьбы с внешними и внутренними врагами, Эбер отказался от требования назначить выборы в новое Законодательное собрание. Он снова выступает в общей шеренге якобинцев. Если искать разницу между ним и другими вождями якобинцев в августе и в начале сентября 1793 г., то разница эта вовсе не там, где находит ее Матьез, не в экономической программе, не в том, что Эбер стал «террористом», Робеспьер — «снисходительным», а Дантон — «усыпителем». Разница, если угодно, заключалась в большей конкретизации Эбером тех революционных мероприятий, которые в общих чертах были предложены Робеспьером, и в большей подозрительности Эбера к политике Дантона и его группы, чем это можно отметить в то время у большинства якобинцев. Не следует, однако, при этом забывать, что Дантон в конце августа на заседаниях Якобинского клуба

выступал с требованиями энергичных революционных мероприятий в духе Робеспьера¹.

Демонстрация 5 сентября 1793 г. была подготовлена, следовательно, якобинцами. Проект требований Конвенту был утвержден Якобинским клубом. Конечно, при организации и проведении демонстрации были затруднения, в частности отдельные лица во время демонстрации вели агитацию против Конвента в целом. Но тем не менее демонстрация прошла под лозунгами якобинцев, и инициаторами всех предложений, принятых в этот день Конвентом, были якобинцы. Успех демонстрации был победой якобинцев над теми, кто требовал разгона Конвента и тем самым кассации конституции 1793 г., т. е. над «бешеными».

Нет надобности перечислять революционные мероприятия, утвержденные Конвентом 5 сентября 1793 года. Они хорошо известны. Их целью была, с одной стороны, организация действительно беспощадной революционной борьбы против внешних и внутренних врагов революции, и обеспечение продовольствием народных масс — с другой.

События конца 1793 — начала 1794 г. оправдали мероприятия якобинцев в отношении организации борьбы революции с ее внешними и внутренними врагами. Суровые революционные меры против роялистов и их агенгуры, против контрреволюционного католического духовенства, против сторонников Жиронды и восставших вандейцев дали свои результаты. Эти враждебные народу силы контрреволюции были разгромлены. Реорганизация революционной армии, установление политического контроля над генералитетом, чистка командного состава и выдвижение новых талантливых полководцев из народа, политическая работа в армии, революционное преобразование стратегии и тактики войсковых соединений дали не менее положительный итог. Страна освободилась от вражеского нашествия, революционная армия перешла от обороны к наступлению. Республика окрепла внутри и вовне.

Иной результат дала социальная политика якобинцев. По мере успехов революции, после того как с корнем была вырвана монархия, разбиты прежние привилегированные классы, сломана их экономическая мощь, — с отменой феодальных повинностей и конфискацией церковных и части дворянских имуществ, на сцену выступило новое, освобожденное от оков и пут феодализма, буржуазное общество. Чем больше обеспечивалась безопасность нового общества благодаря решительным действиям якобинской диктатуры, тем все больше и больше усиливались контрреволюционные настроения в среде либеральной буржуазии (эти настроения нельзя смешивать с контрреволюционностью феодалов-дворян и католического духовенства), составлявшей большинство в Национальном конвенте. Буржуазия с подозрением и ненавистью относится к требованиям трудящихся города, желающих получить свою долю в революции, и к требованиям малоимущих и неимущих слоев деревни, настойчиво добивающихся «аграрного закона», т. е. общего передела всех земель. Новые землевладельцы, покупщики национальных имуществ, крупные фермеры, наиболее богатая и обеспеченная часть крестьянства успокаиваются после того, как угроза контрреволюции была устранена и извне и изнутри; они обнаруживают растущую жажду порядка, т. е. обуздания притязаний низших слоев деревни и трудящихся города. В этом отношении богатая часть деревни политически смыкается с контрреволюционно настроенной либеральной буржуазией.

По мере успехов революции история выдвигала перед якобинцами задачи, решить которые они были не в состоянии. Якобинцы боролись за демократическую республику и в ее рамках рассчитывали обрести свободу, равенство и братство всего народа. Между тем в условиях рес-

¹ См «La société des jacobins». Recueil des documents par A. Aulard. T. V. p. 372 suiv.

публиканского строя стала особенно наглядной ужасающая противоположность между нищетой и богатством. Сплотившиеся вокруг якобинцев и прочно поддерживавшие их в минуту опасности силы демократии начали вследствие этого расходиться в стороны. Как только победа над общим врагом была достигнута, классовые противоречия общества, основанного на частной собственности, резко проявились.

Если от революции 31 мая — 2 июня до весны 1794 г. классовая борьба во Франции затухала, отодвигалась на второй план вследствие необходимости отразить нападение коалиции европейских держав и разгромить силы контрреволюции внутри страны, то с весны 1794 г., когда эта задача была в основном решена, классовые противоречия выступили на передний план и заняли место борьбы общенациональной. До весны 1794 г. якобинцам удавалось сохранить как единство внутри своей партии, так и единый фронт сельской и городской демократии. С весны же 1794 г. оба эти единства начали колебаться, начались размежевание сил в лагере революционной демократии и одновременно сговор и организация сил контрреволюционной либеральной буржуазии.

Именно этим, а не разногласиями по вопросу о терроре вызвана была борьба, начавшаяся с весны 1794 г. и в Конвенте и в среде якобинцев; на этом, а не на кликушеских «откровениях» о «перерождении» якобинцев следует базироваться при анализе причин, приведших к 9 термидора.

Когда Французская республика отбилась от наседавших на нее врагов, санкюлоты — эта живая сила революции — могли подвести первоначальный итог своим завоеваниям. Монархия и феодализм уничтожены, враг изгнан с территории республики, свобода завоевана. Но что эта за свобода? Массы, активно участвовавшие в революции, не представляли себе свободы без материального благосостояния, они не отделяли свободы от одновременного с нею повышения уровня жизни. В действительности спутником свободы оказалась нищета. Несмотря на суровые меры революционного правительства против спекуляции, несмотря на действия революционной армии в департаментах, несмотря на усилия комиссаров Конвента продовольственное положение городов Франции осенью и весной 1793—1794 гг. оставалось угрожающим. Малоимущие и неимущие слои деревни также испытывали хронический голод. К весне 1794 г. продовольственное положение особенно обострилось. Призрак смерти от голода встал перед людьми, вынесшими на своих плечах все тяготы революции; и в то же время эти люди видели и знали, что голод — вовсе не общий удел, что многие во время революции превратились в богачей, стали помещиками, разжирили на бедствиях народа и что таких немало даже среди членов Конвента! Настроение миллионов санкюлотов выразил Сен-Жюст, когда 8 вантоза 1794 г. гневно говорил о людях, разжиревших на бедствиях народа, о наслаждении их всеми благами, об оскорбительном отношении их к народу, о их триумфе, воздвигнутом на преступлениях. Сен-Жюст, убежденный в возможности осуществить идеальную республику всеобщего братства, основанную в то же время на частной собственности, требовал приведения гражданских отношений в соответствие с формой правления. В условиях буржуазной демократии это могло означать только требование превращения санкюлотов в собственников. Свое выступление Сен-Жюст сопровождал угрозой. «Нуждающиеся, — заявил он, — властители мира. Они имеют право говорить тоном хозяев с правительствами, которые их игнорируют».

Речь Сен-Жюста послужила сигналом к размежеванию в рядах якобинцев и к обострению той борьбы, которая всегда имела место среди них, но которая до того не выливалась в форму открытого столкновения фракций. Дантониисты — часть якобинцев, ближе всего стоявшая к либеральной буржуазии, — предлагали вывернуть формулу Сен-Жюста наизнанку и привести форму правления в соответствие с гражданскими отно-

шениями, т. е. произвести самоликвидацию революционно-демократической диктатуры. Уже «Старый Кордельер» Демулена во время своего кратковременного существования весьма недвусмысленно пропагандировал эту мысль. Эбер и его сторонники, наоборот, принимали формулу Сен-Жюста о приведении гражданских отношений в соответствие с формой правления, но на этот раз решительно разошлись с Робеспьером и его друзьями в вопросе о средствах осуществления этой формулы. Матьез немилосердно насилует факты, когда утверждает, что Эбер, вообще отличавшийся, по его мнению, скудоумием, видел единственное целебное средство от всех зол в гильотине. С гораздо большим основанием Матьез мог бы приписать эту веру в спасительность гильотины Робеспьеру, под влиянием которого был принят известный декрет 22 прериаля в момент, когда «террориста» Эбера уже не было в живых. Мы достаточно говорили, что вопрос о терроре раздувается буржуазными историками до размеров, далеко не соответствующих исторической действительности. Все споры того времени о революционном терроре, т. е. массовом устранении врагов революции, были спорами о целесообразности революционных или конституционных методов борьбы. И, конечно, правы были так называемые «террористы», т. е. и Эбер и Робеспьер, а не их противники, поглядывавшие опасливо на плебейские методы расправы с врагами революции.

Действительные разногласия между Эбером и Робеспьером были совсем другого порядка. Эбер был убежден, что осуществление формулы Сен-Жюста старыми методами ничего не даст санкюлотам. Большинство Конвента уже достаточно успело доказать свою «любовь» к народу. Об этой «любви» красноречиво свидетельствовали такие факты: сперва принятие народных требований 2 июня 1793 г., а затем их нарушение в конституции 1793 г.; сперва майский закон о максимуме, а затем саботаж этого закона; сперва арест и обвинение жирондистов, а затем предоставление им возможности организовать гражданскую войну; сперва обещание организовать оборону страны, а затем защита генералов, срывавших ее, и т. д. и т. п. Одним словом, эбертисты могли представить солидный обвинительный акт против большинства Конвента. Но тогда позволительно спросить: где же были якобинцы, где были сами эбертисты, неужели только весной 1794 г. они увидели всю эту цепь событий?

Историк, который вздумал бы утверждать, что якобинцы прозрели лишь к весне 1794 г., что до этого времени у них была повязка на глазах, обнаружил бы лишь свою собственную слепоту. В действительности, все время, начиная с революции 31 мая — 2 июня и до весны 1794 г., происходила то явная, то скрытая борьба якобинцев против большинства Конвента. Обострение этой борьбы весной 1794 г. объясняется тем, что наружу выступили внутренние противоречия буржуазного общества, освободившегося от пут феодализма, и что вследствие этого либерально-буржуазное большинство Конвента перешло на позиции контрреволюции и поставило своей ближайшей целью порядок, т. е. подавление в интересах буржуазии неимущих и малоимущих масс города и деревни.

Эбертисты считали, что с контрреволюционным большинством Конвента разрешить задачу, выдвинутую Сен-Жюстом, не удастся. Уже формулировка принятых Конвентом вантозских декретов и процедура, установленная для их осуществления, свидетельствовали о стремлении большинства Конвента по меньшей мере отложить дело в долгий ящик. Поэтому эбертисты после некоторых колебаний приняли решение разогнать Конвент и начали подготовку восстания.

Решение эбертистов политически означало выведение за одну скобку феодально-абсолютистской и буржуазно-либеральной контрреволюции. При наличии к весне 1794 г. указанного выше размежевания сил в стране также отношение к буржуазной контрреволюции и разгон Конвента могли послужить только сигналом к новой, еще более ожесточенной граждан-

ской войне, безусловно нанесшей бы ущерб делу буржуазной революции. Ведь Эбер и его сторонники говорились к борьбе с буржуазной контрреволюцией не во имя социализма, а во имя той же «священной частной собственности», на почве которой оставалась и буржуазно-либеральная контрреволюция. То, что задумали эбертисты, было, таким образом, внутренне противоречиво. Исторические условия конца XVIII в. не позволяли французскому обществу перешагнуть за рамки буржуазной собственности и, следовательно, буржуазной революции. Попытка, предпринимаемая эбертистами, угрожала «хаосом неведомого».

Против этого прыжка в неизвестность и возражали решительно Робеспьер и его сторонники. Однако несмотря на все усилия Робеспьера Эбер и его группа откололись и решили осуществить свой лозунг. Комитет общественного спасения, стремясь сохранить господство демократии, вынужден был пойти на отсечение эбертистов. Но один этот факт при сохранении дантоновской группы, уже тесно связанной с контрреволюционными либералами, неизбежно привел бы к политическому преобладанию дантонистов. Вот почему арест эбертистов почти мгновенно повлек за собою и падение Дантона.

Раскол якобинцев вызвал раскол и в Комитете общественного спасения. Последний явственно разделился на три группы: группа Колло д'Эрбуа, группа Робеспьера и группа Карно. Якобинская группа оказалась в меньшинстве не только в Конвенте, но и в Комитете общественного спасения. Это предрешало ее судьбу и предвещало 9 термидора, ибо и группа Колло и группа Карно быстро сближались с лагерем буржуазной контрреволюции, и последний, располагая большинством в Конвенте и в правительстве, мог с уверенностью рассчитывать на победу.

Гигантский опыт оставила якобинская диктатура передовому отряду демократии — пролетариату. Этот опыт внимательно изучался классиками марксизма: Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, — использовавшими его применительно к новым историческим условиям XX века.

«Пример якобинцев поучителен, — писал Ленин в июне 1917 г. — Он и посейчас не устарел, только применять его надо к революционному классу XX века, к рабочим и полупролетариям»¹. Но если во Франции в XVIII в. не было необходимых материальных предпосылок для упрочения власти трудящихся, «не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог»², то в XX в. эти условия имеются налицо. Поэтому «якобинская диктатура» в XX в., раз победив, неизбежно должна привести к установлению прочного господства трудящихся во главе с пролетариатом.

«Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX в. было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся»³.

От редакции В статье тов. Ф. Козлова рассматриваются важнейшие исторические вопросы якобинской диктатуры, недостаточно разработанные исторической наукой. Редакция считает весьма полезным опубликовать работу тов. Ф. Козлова, несмотря на то что некоторые доложения автора, как, например, характеристика эбертистов, спорны.

¹ Ленин Соч. Т. XX, стр. 505

² Там же, стр. 556

Там же.